18+

Алексей Мишаткин

Beatlecoin

Книга не о майнинге

Алексей Владимирович Мишаткин

Beatlecoin. Книга не о майнинге

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57110935
ISBN 9785005120649

Аннотация

Потеря работы в эпоху экономической депрессии равносильна бесславной гибели под забором. Поэтому вкалывающие на стройке бывшие инженеры, менеджеры и адвокаты – обычное дело. Семье грозит голод. Нужно действовать. Герой ищет выход и находит… НЕЧТО. Находка имеет сумасшедшую историю и космическую цену. В этом и заключается суть майнинга – умение находить будущие бриллианты среди пустоты. Сокровище своим сиянием сводит с ума… Улицы Лондона полны тайн, опасностей и надежд… Читатели, вперёд!

Содержание

Часть 1. КАТИСЬ, МОНЕТА 5
1 5
2 7
3 8
4 10
5 11
6 12
7 14
8 15
9 17
10 18
11 20
12 22
13 23
14 24
15 25
16 26
17 28
18 30
19 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Beatlecoin
Книга не о майнинге

Алексей Владимирович Мишаткин

Редактор Ирина Третьякова
Корректор Ирина Третьякова
Дизайнер обложки Борис Мишаткин
Иллюстратор Анастасия Третьякова

© Алексей Владимирович Мишаткин, 2021
© Борис Мишаткин, дизайн обложки, 2021
© Анастасия Третьякова, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0051-2064-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. КАТИСЬ, МОНЕТА

«Суть поиска – это поиск сути»

1

Все, что нас окружает, имеет две стороны. У монеты есть аверс и реверс. У батарейки плюс и минус. У дельфина светлый живот и темная спинка. Смартфон одновременно и благодать, и проклятие. Две стороны как минимум.

Эти стороны могут быть очевидными, хотя могут оказаться и скрытыми от недолгого поверхностного взгляда. Мягкий или суровый климат, брак или свобода, труд или лень, настоящий или поддельный виски. Всегда есть вопрос – а что тебе нужно, друг? Чего ты ищешь?

Одни говорят – есть свет и тьма.

Но ведь тьма – это просто отсутствие света, не согласны другие. Тьму невозможно уничтожить. Потому что её не существует. Невозможно создать Тьму. Можно лишь уничтожить Свет. Или возможно? Неужели мы и вправду *что-то создаем*, выключая лампу в комнате?

Первые знают – мы существуем лишь благодаря свету. Но ведь есть те, что живут во Тьме. Выключая свет, мы даём им жить. Их существование глупо отрицать. И они живут,

мешая нам включать свет, независимо от наших верований и убеждений.

Они живут бесконечной кровавой битвой с нами, световидящими, и мы изо дня в день теряем близких на фронте. Нет потерям числа.

Вторые уверены, что подобные заявления – натуральная ересь, и приличному человеку надлежит читать только правильные книги, а не какие попало.

Милые спорщики! Они то беззаботно игриво беседуют, то яростно сражаются за каждое слово, цепляясь за малейшую оговорку, с явной готовностью вырвать язык обезумевшему идиоту-оппоненту для восстановления гармонии в мире и справедливой чистоты в душе.

Этой дискуссии мудрецов-бездельников не видно конца, и начала у неё тоже нет, как нет и достойных оснований. Только домыслы и избыток свободного времени.

2

Нет истинного объяснения горя матери, не дождавшейся сына с войны. Оно глубоко и непостижимо, как мутное дно океана. Горе дышит с ней вместе и стучит, как невидимое чёрное сердце. Мать вдыхает холодное Неведомое, что простирается в ледяной тьме выше звёзд на небе и упирается в немую Бесконечность. Крошечное живое сердце, что однажды начало биться у неё внутри, теперь навеки там.

Нет описания силы, обливающей героя, которую он принимает с вибрирующим воплем, убив своего первого врага, даже не заметив того самого разящего удара в тяжелой затяжной битве. В этот момент нет света и тьмы. Воин не в силах осознать свою сторону. Он настолько горяч, что металлы вокруг плавятся беспорядочно. В этот момент нам является нечто единое – неделимое, ни злое, ни доброе, ни важное, ни бесполезное, ни животворное, ни мертвенное. Монета достоинством в один фунт стерлингов.

Все войны на свете – из-за денег.

Все песни – о любви.

Боль – ничья.

Любовь бессмертна.

3

Монеты – это уже давно не просто деньги. Они впитали в себя бессчётное количество людских ладоней, карманов и кошельков. Где люди их только не носили на своём теле! При таком близком контакте неизбежно происходит обмен. Люди становятся немного похожими на деньги, а деньги – на людей.

В предельных случаях бывает сложно понять, кто или что перед тобой – богач с плотно сжатыми губами или кожаный кошелёк с золотыми дукатами; несколько медяков в несвежем носовом платке или старуха-нищенка; стайка шалопаев-школьников или горсть безымянных монет, летящих в море на счастье юному негоцианту.

Мы тесно связаны с ними, это невозможно отрицать. А монеты – это первородные, настоящие деньги, которым не нужен никакой банк. Одна простая золотая монета круче любого банка, потому что ей никому ничего не нужно доказывать. Она существовала многие века, существует сейчас, и она золотая. Этого достаточно.

Монеты созданы очень давно. У них нашлось достаточно времени на то, чтобы привыкнуть жить самостоятельно. И они не вечны. Одни бесследно исчезают по обочинам дорог, в фонтанах на городских площадях и в трюмах затонувших кораблей. Другие доживают свой век в музеях и частных

коллекциях в почёте и неге. Некоторые работают – ещё есть страны, в которых они ходят, как и много веков назад. А есть и такие, у которых вообще нет физического тела – криптовалюты. Биткоин – это монета. Все знают, как она выглядит. Но её нет, только виртуальная оболочка. Неоднозначное явление, не так ли?

4

Мир остановился в пятницу утром. Мне не повезло в том, что я точно зафиксировал в памяти этот момент. Было бы здорово забыть, но уже не получится. Это жуткое состояние – мира больше нет, а жить надо дальше. Вот ехали вы на автобусе куда-то, не идеально, не совсем удобно, но ехали, были билеты, дорога, конечный пункт. И вдруг среди ночи – без всякого «извините, будьте любезны» автобус на полном ходу ударяется о стену Нулевого Времени. Вы вылетаете на шоссе в брызгах стекла и ледяных игл. Среди поля, холод, дождь… Автобус исчезает, превращаясь в дымок бесполезных воспоминаний. Впереди пустая темнота. В глазах жены и детей терпеливый смиренный вопрос, от которого начинает лопаться кожа и на лицо наползает идиотская улыбка. Что там, впереди? Как будет? Что ответить…

В наше время остаться без работы равносильно бесславной гибели под забором. Жена-домохозяйка, трое деток, двое из которых, близнецы, едва начали ходить. Ни о каких запасах не могло быть и речи.

5

Многие мечтают стать птицами. Парить в вольных небесах, символизируя элегантную независимость.

У птичьего существования есть и другая сторона, о которой романтики предпочитают не догадываться. Обмен веществ в организмах крылатых странников протекает в несколько раз быстрее, чем в наших, человеческих. Особенно, если птичка мелкая. Поэтому птица вынуждена беспрерывно искать себе корм. Остановка для неё совершенно неприемлема. В этом смысле мы как птицы – живем, пока движемся, работаем. Клюём свои зёрнышки и жучков.

Так устроено человеческое общество. Человек труда физически не может существовать без работы.

6

Тем пятничным утром я залез в подвал, что у родителей в гараже. Там было несколько ящиков яблок. Летние белые яблоки Снежный Кальвиль. Они пахли сладкими тряпками и активно гнили. Из двух или трёх ящиков мне удалось отсортировать ведро райских плодов сносного вида. Остальные я вывалил в мусорный контейнер в соседнем дворе многоэтажек. В гараже нашлась моя клетчатая рубашка с коротким рукавом «made in Hungary» школьных времен. С ее помощью более-менее пригодные яблочки были начищены до аппетитного состояния, после чего быстро вынесены и проданы на ближайшем рынке. Потому что вторую неделю как дома не было денег. Совсем. И не предвиделось.

Потому что завод, где я имел честь трудиться инженером, наконец-то полностью сдох. Зажравшиеся олигархи продали бизнес друг другу, приняв окончательное решение о его непригодности производить кипятильники и автозапчасти. Цены на металлолом у турок скакнули вверх. Это был приговор. Распиленное оборудование обречённо уплыло на больших ржавых кораблях в сторону пальм Анталии на переплавку. Завод опустел. Люди разбрелись кто куда. В кабинетах и под потолками цехов стали селиться пауки и птицы.

Заводы не разбирают, это дорого. Они, брошенные, так и стоят по всем нашим городам угрюмыми памятниками ко-

рявой советской эпохе. Окна зарешёчены, двери заколочены, бетонные горшки-клумбы на парадном крыльце заполнены простым человеческим мусором уличного обихода.

Они печально и величественно напоминают огромных мёртвых морских животных, которые полноценно жили когда-то здесь, созывали своих работников по утрам глубоким трубным рёвом, давали им жить и в обмен забирали силу и здоровье. Этот процесс казался бесконечным и преисполненным истинного смысла трудовой жизни.

Но вот произошло нечто могучее, тёмное и неизбежное. И под воздействием этой фатальной силы гиганты оказались на суше – без питательного планктона, спрессованные невиданным давлением новой экономической и политической формации. Рёбра лопнули, глаза высохли, фасад облупился. Они всерьёз не верили до последнего дня, что когда ты становишься ненужным, тебя бросают.

Одни говорят – устарели технологии. Другие – всё разворовано, а новых дураков-инвесторов нет. Третьи умничают – страну специально хотят развалить и обанкротить, чтобы купить её потом за мешок муки у самих же себя. Нам с моим покойным Заводом не было до этого никакого дела.

В американских фильмах люди, увольняясь, забирают коробки с фотками в рамке, кружками и кактусами. У меня такая коробка не получилась. Спёр большой трубный ключ и всё. С ним, тяжёлым, и ушёл в бездну.

7

На глубине первое, что я сделал – перечитал свой сборник цитат. После того, как впервые в одиночку напился одолженного у соседей самогона и проблевался как следует, от души.

Стив Джобс пришёл первым из тех, что по делу. Когда, говорит, у меня совсем не было денег, я не кинулся на первую попавшуюся работу, и не на вторую, и не на третью. Я, говорит, сел думать, как заработать много. Иначе, как я его понял, работа администратором в супермаркете высосала бы всю силу способности искать полезное денежное содержание в голом пространстве. Идея прекрасная, подумалось мне, но чтобы поймать большую рыбу, нужно много времени. Стокилограммовый тунец не приходит утром по будильнику через 15 минут после утреннего кофе с круассаном. Нужно достаточно много терпения…

8

Меня начала прессовать мысль о криптовалютах и майнинге. Она звучала просто отовсюду. Некий неведомый мир, в котором жить легко и просто, «чудо-остров, чудо-остров» – так и бубнит в башке. Тот намайнил на тур на Сейшелы, тот нарыл бабла, чтобы вылезти из долговой ямы, и жена теперь в шубе, сапожках и шапочке… Биткоин, говорят. Майнят-роют.

Мастер, который обслуживал у нас дома холодильник и кондиционер, сообщил, что установил у себя в арендованной двухкомнатной квартире станцию по добыче биткоинов. Теперь они с женой и двумя детками живут в одной комнате, потому что в другой живёт Станция. Они более не имеют возможности в летнюю жару пользоваться кондиционером, потому что папа *копает денешки*. Все 3 киловатта, что даёт природа и ЖЭК, потребляет биткоин-станция.

«Ну что, девчонки, будем богатеть голышом! Вот хорошо, эти брызгалки водяные умные люди придумали, да?! А чего – так и здоровее будем! Станция ведь, считай, за копейки – машину продали и кредита немного. Годовая ставка по кредиту? Да смешно, копейки. Биткоин растёт втрое за год. Вот сила!» – так говорил Мастер, продувая кондиционеры в нашем доме, используя *наш* пылесос и электроэнергию.

Я не понимаю сути майнинга и криптовалют. Это раз.

Как можно получать деньги, прогревая и без того ненормальную атмосферу Земли дорогущими видеокартами, ничего полезного при этом не создавая? Кто за этим стоит? И чего он хочет в итоге? Это два.

Мне нечего кинуть в жерло этой крипто-топки. Нет денег для старта. Это три.

9

Моё положение не так уж и безнадёжно. Я начал звонить всем подряд по своим контактам. 563 человека на планете готовы мне сказать – «А, привет, как дела?» Многие узнают по голосу. Что-нибудь полезное должно быть обязательно найдено, очищено от пыли ушедшего времени и превращено в зачаток новой свежей и неизвестной жизни. Люди материальны. Они не исчезают без следа, как и отношения между ними. Жизнь надо искать среди людей.

10

«Строитель Вандербильд» сказал после пятисекундной паузы: «Погоди, послезавтра позвони или приходи сразу. Поговорим». Красиво пригласил. Да у него даже офиса нет, он с клиентами базарит в кафе у азербайджанцев на втором этаже… «Пойду, – подумал я, – хоть кофе угостят».

Мой приятель, именуемый в наших кругах Вандербильд, явился откуда-то сверху крылатым херувимом с благой вестью и контрактом подряда на строительство нового объекта. Он обрадовался, что я пришёл. Действительно заказал два кофе и достал из новенькой пижонской лаковой борсетки этот самый контракт.

Листы были сложены вчетверо и внимательно многократно им прочитаны, судя по нескольким коричневым кофейным круговым пятнам разной интенсивности на них. Стараясь подавлять захлёстывающие эмоции, он сообщил, что работы здесь года на три. Заказчики – правильные люди. Наше дело пахать, зарабатывать и радоваться.

Его строительная компания строго придерживалась принципа минимализма. Вандербильд, жонглируя, совмещал должности снабженца, прораба, главного инженера и генерального директора. В общем, он волшебным образом выиграл тендер на строительство довольно крупного объекта.

На деле чудо оказалось не таким уж и непостижимым.

Скорее, обыкновенным чудом. Вандербильд встретил в торговом центре своего армейского друга, который занимал сегодня термоядерный пост в известном строительном холдинге, и приехал в наш город из столицы всего на два дня для встречи с местными строителями-турками.

Друзья три дня пили коньяк (пришлось задержаться), вспоминали свои злоключения в потерянном времени служения непонятно чьей родине, съездили на море и на охоту. В общем, турки потерпели фиаско. Аргументы иноземных соискателей оказались несопоставимы по значимости, разные весовые категории. В итоге именно Жека получил контракт.

11

Вандербильда на самом деле звали Жека.

Мы его прозвали Вандербильдом, понятно, не за фламандский профиль лица, которого у него, округлого коренастого мужичка, отродясь не бывало. Он не смог бы позировать художнику монетного двора.

Зато у него была жена Ленка. А у Ленки была устойчивая страсть посещать рынок с целью выбора помидоров и говядины на каблуках-шпильках, в шлейфовом парфюме и с сумочкой в стразах. Мы увидели в Ленке инкарнацию Ильф-и-Петровской Вандербильдихи из «12 стульев», жены американского миллионера-промышленника Ван-дер-Бильда, которая то и дело являлась на глянцевых обложках в головокружительных нарядах, как на работу ходила.

Так Жека стал Вандербильдом. Ему это даже немного льстило.

Его суперконтракт подразумевал строительство с нуля под ключ коттеджного посёлка у Чёрного моря в нашей области. Как Жеке объяснили, некий араб из тех, что учились у нас в СССР в институте, решил вернуться в полюбившиеся места своей юности. Он стал скупать крупные участки земли, строить жильё, продавать его, сдавать в аренду – инвестировать деньги семьи, одним словом.

– Понаехали!.. – констатировал Жека, уже видевший лич-

но в натуре, как охранников на посты владений босса развозят новенькие «Toyota Land Cruiser».

12

Понятно, мне раздумывать и взвешивать было нечего. Реальные деньги в зелёной валюте. Ну да, 120 километров от дома, придётся уезжать на неделю. В любом случае, это лучше, чем питаться гнилыми яблоками или грабить себе подобных бедолаг на большой дороге.

Итак, решение принято. Минимальные формальности соблюдены. Вещи собраны. Настал день отъезда. Расцеловав сонную семью за час до рассвета, я отправился на автовокзал. Бутылка воды и бутерброды с плавленым сырком придавали чувство домашней надёжности и внимательной экономии денежных средств. Перед посадкой в автобус я купил пачку «Camel» и зажигалку, хоть и не курил. Так, иногда, для вкуса сладкого турецкого табака. Теперь у меня был полный комплект припасов для встречи с неизведанным.

13

Мир часто подаёт нам знаки. Предупреждающие, запрещающие, предписывающие. Непросто их заметить. Ещё сложнее понять их значение. И уж совсем редкому человеку под силу рационально распорядиться полученной информацией.

Херувим Вандербильд с лёгкой краснотой глаз от утомительных переговоров на охоте оказался не то что знаком – толстенной указующей стрелой, направившей мою судьбу по непредсказуемому руслу. Никто из нас и представить себе не мог, насколько этот путь изменит меня и мир вокруг.

14

Бетонщик – нужная и уважаемая профессия. Человек, который сноровисто колотит опалубки, укладывает каркасы из арматуры, умеет ловко принимать раствор в лотки и правильно швырять его лопатой, который может задумчиво курить, сидя на той же лопате и одновременно смотреть за горизонт усталыми добрыми глазами – прекрасен. Потому что это настоящий абсолютно полезный, полный прочного осознания труд.

Бетонщик при всей своей неказистости и тёмной простоте мыслей есть очень светлый человек. Так я думал, получая у бригадира рабочий «скафандр» – комбинезон и сапоги, потом постельные принадлежности у кастелянши в общежитии. Да и, честно сказать, так и не изменил своего мнения в дальнейшем.

Отчасти от того, что половину трудовой массы в проекте составляли несостоявшиеся инженеры, юристы и менеджеры лопнувших компаний. Был ещё один фельдшер скорой помощи и бывший уголовник в мастях, решивший однажды сменить профессию преступника на более стабильную перед пенсией.

Перспективная общность интеллигентных личностей.

15

Мы не были расквартированы, как гусарский полк, по избам с хрустящими бочковыми огурчиками в погребах и стеснительными вдовушками у печей с душистыми караваями, увы. Нас приютило кирпичное нештукатуреное двухэтажное здание, выполненное в архитектурном стиле «Амбар». Без крыльца, но с выгоревшей табличкой «Общежитие №2» справа от входной двери.

Табличка то ли намекала на существование где-то в окрестностях общежития №1, то ли указывала на прошедший некогда апгрейд от версии 1.0 до 2.0. Сути дела это не меняло. Общага и в Африке общага.

16

Советские общежития существуют по единому принципу, все без исключения. Принцип этот давно утрачен в виду физической гибели его безымянного открывателя от старости или репрессий. Но уклад примитивного быта не выветривается.

Сто́ит только в прямоугольном помещении в нужном порядке расположить кровати, тумбочки и табуретки – тут же является он – Общий Дух. Поскрипывая панцирными сетками коек, он покрывает оконные рамы и подоконники пятнацатью слоями разноцветной облупленной краски, развешивает кружева паутины под потолком и старательно обрабатывает плинтуса средством от тараканов, наполняя пустой воздух содержанием победы общественного человека над бесполезным паразитом и одиночеством.

Общий Дух в зависимости от высшего назначения может материализоваться в отдельном кабинете в разных людей: коменданта Марью Исааковну, прапорщика Лагизова или заведующую детсадом Альбину Ивановну. Плотская инкарнация совершенно необходима Общему Духу для удержания множества деталей в собранном вместе состоянии.

Иначе всему конец.

А ведь жителям требуется душ с подачей воды по часам, самозабивающийся туалет и график дежурств по этажу.

«Но кто это ценит… я вас умоляю…» – ворчит время от времени любимую мантру вечная Марья Исааковна, выписывая пропуск очередному варвару-новосёлу и сверля его заботливым взглядом поверх очков.

Для себя я решил, что это всё ненадолго, и поэтому не так и важно. Курорта никто не обещал. «Сдадим объект и поедем в Майами пить прохладный джус» – сказал нам Вандербильд вечером на собрании. Все согласились.

17

Однообразные осенние дни потекли один за другим. Лист за листом – оторвётся, побарахтается на ветру, как придётся, и затеряется где-то среди таких же вчерашних и безымянных. Дом – работа – дом. Дом – это комната на восемь человек на втором этаже в конце свистящего сквозняками коридора. Стены неизвестного цвета. Удобства во дворе. Работа – десять часов циклических напряжений рук, ног и спины с минимальными перекурами и коротким обедом. Молодые, здоровые, мы спали ночью прекрасно. Даже у самых отчаянных ценителей сельского эротического романтизма запала хватало разве что на пару SMS тёлкам перед сном – и всё. Каждое утро в 7:30 автобус увозил нас на созидание нового мира.

Побережье давно очистилось от отдыхающего трудового народа, варёной кукурузы и семечной шелухи. Под руководством опытного Вандербильда была выстроена целая строительная инфраструктура: склад стройматериалов, сеть электроснабжения, вагончики для хранения инструмента, а также сколоченные из деревянных поддонов туалеты.

Ещё была стоянка строительной техники и грузовиков-самосвалов, в сумме до 20 боевых единиц. Стоянка представляла собой засыпанную щебнем площадку, выходящую одним боком к шоссе. Машины строились на ночь в шерен-

гу задом к лесополосе, перпендикулярной трассе, и передом в чистое поле.

Именно на этой самой стоянке знак-стрела, поданная мне посредством Жеки, упёрлась в нечто такое, что может снова остановить мир.

18

К исходу второй недели работы у меня отчего-то поднялась температура. Потупился взор, и пропала твёрдость руки. Гриппозное состояние, когда ломит кости, мир вокруг становится похожим на мультики, и блаженство вызывает любая возможность посидеть в тепле без движения. Перекур для бетонщика – это бархатный кайф, особенно если парень-бетонщик немного не в себе. Итак, мы остановили работу в ожидании цементовоза.

– Покурим? – проникновенно и с пониманием обратился ко мне Сада, наш собственный уникальный рецидивист в завязке. Садистом он не был, Боже упаси. Он был наоборот здоровенным добродушным черноглазым татарином с головой в форме абсолютно правильного глобуса и фамилией Садардинов. С некоторых пор он стал ценить мой «Camel» за его крепость, отсутствие внезапно вспыхивающих сучков в табачной смеси и, главное, что в моей пачке он условно бесплатный. Это после валютного лагерного «Беломора» и махорки.

– Давай, – я протянул ему раскрытую пачку. У меня вошло в привычку носить с собой сигареты. Сам употреблял одну-две в день, не больше. Даже зажигалку потерял, а новую не завёл. Такое себе средство коммуникации в суровом разнокалиберном коллективе. Под сигарету может получиться

беседа, а из беседы целая история.

Сада не взял пачку в руки. Он ловко выудил одну сигарету плохо гнущимися пальцами цвета древесных кореньев, рефлекторно глядя при этом не на неё, а в лицо оппоненту. Так же бессознательно зачем-то размял её, не спеша, покрутив в пальцах, зажал фильтр в зубах. Затем чиркнул спичкой, потянулся ко мне с коробком и огнём в ладонях, определяя направление нежелательного ветра. Я отказался, закрыв пачку и спрятав её в карман.

– Ты не болей, понял, да? Ты чего такой больной? – проявил заботу бывший зэк в устной форме. Его чернющие глаза напоминали выпуклые пуговицы, что пришивают крупным мягким медведям-игрушкам для сходства с человеком. Никогда точно нельзя определить, куда именно он смотрит, и что у него на уме.

– Да ладно, Сада, не обращай внимания. Я молодой и здоровый. На ночь горячего чаю и 50 грамм – утром буду новый и блестящий, – ответил я.

– Ну, хорошо, если так, как ты говоришь. По-всякому бывает. Смотришь – молодой, да? А бревно с третьего этажа упал на голову – и всё, на волю. Бхааа!.. – зашелестел его негромкий сиплый смех. Сада ткнул меня кулаком в плечо, желая добавить бодрости и позитива.

– Слушай, – отозвался я, глядя на свои сапоги, – ты можешь помолчать?

– Я, – продолжил рассказчик мотивирующих текстов, –

десять лет уже совсем не болею. Болел тогда сильно один раз, выздоровел и всё.

Мой товарищ растоптал каблуком воспоминания об истраченной сигарете.

– Я потом помолчу, – пообещал он, доставая свои ядрёные без фильтра.

У нас было время, табак, остывший чай в термосе, и он продолжил.

– В Алтайском крае на поселении я жил. Два года. Какой-то эксперимент, сказали. Лагерь, бараки, столовая, клуб – кино крутили, представляешь? Бараки были мужские и женские, отдельные. Забора нет. Иди куда хочешь, тыщу вёрст тайга. Хочешь – живи, работай, коротай срок. Хочешь – тайга. Никто не уходил, жить хотели. Работа – лес, столярка. Бабы строчили на машинках что-то.

Мужикам с бабами встречаться не давали. Бесплатно не давали. Хочешь обниматься – плати Куму. На час тебе изба натопленная, пожалуйста. И мужики платили, и бабы, так-то вот. Оно по-другому не вытерпишь, понимаешь, да? Когда баба рядом ходит.

Вертухаи такое умное придумали. Чтобы семей не было, чтобы не полюбили друг дружку, они без выбора давали. Баба, да и всё. Платишь и не знаешь, какая будет. Чтобы только без туберкулёза. С них начальство за это спрашивало. Ну а чего делать-то, баба и есть баба. Со всех боков одинаковая. Одна хохлушка была, говорила: «Не бери мене за здеся, я

уся такая!» Бхааа!.. Гарем, как у султана! Мужики говорили, мол, вертухаи подсматривают, окошко есть специальное. Да я не верю, это какой собакой паршивой надо быть… Чего молчишь, а? Не веришь?

Я попросил спички, прикурил, отхлебнул чаю.

– Этим псам нас даже бить было неохота. Да и нельзя особо. Мы же почти вольные, права имеем. Если кто крепко проштрафится – нагнут до пола, вырубят дубинкой по шее, разденут догола и положат на улице на железный стеллаж возле столярки. Летом не шибко страшно, комары, конечно, но это так. Зимой шибко. Им, псам, что – замёрз, простудился, умер.

Заточку у меня нашли однажды. Мою не нашли, свою хорошо прятал. Эту на продажу сделал. Тот меня и сдал, кто заказал, а кто ещё знал? Аллах ему судья.

Сколько времени было – не знаю, часов на мне не было. Хе-хе-кх… Ничего не было. Темно было. Когда в сознание пришёл. На стеллаже лежу, нижняя полка. Снега не было ещё, был этот… *иней*, знаешь? Воот.

Я голову приподнял, смотрю налево, направо. Рядом на полке ещё двое. Мужик лежит, голову отвернул, на нём уже иней сверху. Готовый. А между нами девушка. Худая, костлявая, волосы белые, дышит немножко. Пар идёт, где нос, понял?

Руками смотрю, шея у меня целая, не били больше. Я сел, смотрю направо, налево. В барак до утра нельзя, закрыто,

псы с ключами спят у себя. Смотрю – у стены столярки дрова лежат и картон, большие листы. Кум новый мебель себе купил, картон выбросил для растопки. Я подошёл, дрова на стеллаже разложил, чтобы лежать. Постелил картон. Девушку поднял руками. Она как одеяло свёрнутое, ничего не весит совсем, девочка…

Положил её на картон, сверху листами укрываю. Она глаза открывает. Молчит. Потом тихо-тихо говорит: «Отвали, сука, дай хоть сдохнуть человеком…»

Мои глаза много видели. Всякого. А тут плакать хотят. Я лёг рядом на картон, положил её сверху на себя, укрыл картоном, сколько было. Она быстро отогрелась, поняла, кто я. Своими волосами мне щекотно делает по лицу, улыбается и говорит: «Ты чего удумал, Борода?! На шару прокатиться хочешь?» И сразу заснула.

Я тоже. Проснулся в бараке. Живой проснулся. Братаны спиной к печке посадили, дали глоток водки, одежду вернули мою.

Я её потом встречал в лагере. Она меня не узнала. Храни её Аллах, такое надо забыть на никогда.

– Навсегда… – поправил я машинально, сжимая кулаки в карманах.

– А? Какой? Да, правильно, *навсегда*. Я же хорошо по-русски говорю, да?

Я протянул ему коробок спичек обратно. Он двинулся корпусом ко мне. Я вынырнул свободной рукой над его вы-

тянутой, стремительно как кобра, и надвинул ему шапку на глаза.

– Эээ, ты чего?! Не веришь мне, да? – заорал рассказчик, убаюканный собственным голосом.

– Сада, да тебе диктором в телевизоре работать! Верю. Хоть это и очень непросто.

– Слушай дальше, – бубнил он довольно. – После того стеллажа я заболел сильно. Лекарства – аспирин да чифир. Братья по бараку помогли встать. Не забуду навсегда! Что? Перепутал… *Никогда*, брат, никогда. Я и не болею больше никогда, клянусь. Эту девушку мне Аллах послал. А кто ещё? И ты перестань болеть. Ты думаешь, если тебе плохо – нам хорошо будет? Иди домой, Сада отпустил, так и скажи! Бкхааа…

Разбойник неспешно поднялся, потянулся, сипло выдохнул и пошёл мимо меня, заложив ладони под мышки для тепла и глядя своими пуговицами куда-то вперёд. У площадки парковался цементовоз.

19

Мужики почти пинками вытолкали меня с объекта. Грипп, говорят, вали в аптеку и ложись, потей. Припомнили несколько случаев, когда осложнения от элементарного вируса усаживали ни в чём не повинных людей в инвалидную коляску. Нам, говорят, на стройке калеки ни к чему.

Сопротивляться такому железобетонному аргументу уже не было сил. Я переоделся и побрёл на трассу к стоянке самосвалов. Уже четвёртый час, надо успеть в аптеку до закрытия. Буду ловить автобус в посёлок или попутку.

Промозглый ветер нормально дул ещё с утра, а тут ещё дождь зарядил мелкой ледяной дробью. Укрывшись в посадке среди жёлтых веток акации, я положительно оценил обзор шоссе и принял позу ждущего человека – ноги на ширине плеч, руки в замок внизу у сокровенного места, плечи расслаблены, взгляд пристальный.

Простояв в указанной позиции четверть часа, потом ещё четверть, я счёл свою концентрацию зрительного внимания чрезмерной. Автобус и так услышу – подумал я и повернул усталые глазные яблоки зрачками вниз. Уши работают, носок ботинка ворочает прибитую дождём пыль, взор утомлённого вирусом человека отдыхает.

Что-то вяло блеснуло в пыли под ногами, отражая мрачное небо. Круглая жёлтая монетка. Как бы деньги, и как бы

нет. Чтобы доехать до села, нужен десяток таких.

Тяжёлым мутным колоколом в голове зазвучал голос бабушки из глубин детства, и явился её назидательный скрюченный артритом указательный палец. Бабушка не раз говорила – «*Не поднимай с земли копеечку! Не копейку ты возьмёшь, а заразу на сто рублей, внучок. Вот!*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.